

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР СЕКТОРА ЭТИКИ

26 декабря 2017 – 15:00

Зубец Ольга Прокофьевна

Что такое философское эссе (Ф. Бэкон, Д. Юм, С. Джонсон)

1. Как пишет одна из исследователей жанра эссе Т.Ю. Лямзина: «Более или менее целостной концепции жанра эссе не существует по сей день, воззрения на эссе крайне противоречивы». Но данный доклад посвящен не только и не столько размышлению над эссе как жанром. Его предмет – философское эссе, понимаемое как порождение и выражение того напряжения, которое существует между философской мыслью и текстом, напряжению, в котором особой стороной выступает сам философ. На самом деле, возможно, это есть путь к пониманию специфики эссе вообще, которую, например, А. Жолковский связывает с беспредметностью взгляда, когда «центр тяжести *essai* помещается не между текстом и действительностью, а между автором и его текстом».

Отношения философа с текстом с самого возникновения философии были напряженными: об этом говорит Платон в Седьмом письме, Бахтин, Хайдеггер, Витгенштейн. Конечно, философ неизбежно сталкивается с той проблемой, что самодостаточность (то есть и безрезультативность) мышления делает невозможным отчужденное, омертвленное выражение себя в слове. Может ли вообще мысль доверить себя языку?! (Адорно) И как бы ни была удачна статья, философ никогда не согласится с отождествлением себя с ней, он всегда уже дальше, всегда видит ее, обернувшись через плечо. Он всегда есть автор своего текста в том смысле, что признает его своим и несет ответственность за него, но он, в то же время, никогда не есть автор данного текста в том смысле, что абсолютно невыразим в нем и не сводим к нему. Текст есть отчужденный результат, отменяющий субъектность, авторство, а если речь идет о философии, о философии как самодостаточном и своевольном мышлении, то отмена субъектности, абсолютной изначальности философа по отношению к тексту означает выпадение из сферы философии, из бесконечного движения мысли. Философия не может выкристаллизоваться в знание (хотя ее идеи и могут быть освоены и присвоены познанием и стать частью знания), а потому невыразима в тексте. Мысль может быть уничтожена с обеих сторон – и через вписывание ее в доказательную форму и через продолжение самой мысли. Она гибнет и в омертвлении и в оживлении, но в первом случае гибнет само живое мышление,

а во втором – лишь его сиюминутный результат, временное состояние. В эссе философ балансирует между тем и другим.

Философия свободна от формы настолько же, насколько освобожден от нее разговор с самим собой. Когда речь идет о поиске самого себя, о своем бытии, никакие слова не могут быть уместны, ибо они вторичны по отношению к бытию: прежде чем сказать о бытии, надо быть и помыслить бытие.

Все это позволяет понять, что для философского эссе «эссе» - это не форма, а выражение необремененности формой, освобождения от ее ограничений и требований. Эссе – это попытка схватить мысль прежде, чем вы дойдете до попытки выразить ее для других, объяснить, обосновать, доказать и умертвить этим. Это попытка схватить мысль, которая принадлежит пока только мне и которой для ее существования не нужны ни традиция, ни слушатели, но которой достаточен лишь я один как мыслящий ее. Эссе есть поиск философом и мыслью друг друга.

В эссе актуальный процесс мышления подвергает сомнению безусловный авторитет метода (об этом пишет Т. Адорно в «Эссе как форма»). «Отвергая изначальные данности, эссе отказывается от каких-либо определений своих понятий» (Адорно). Начиная с самого сложного, а не простого, как требуют правила метода Декарта, в эссе мыслитель и не собирается достичь полноты и не претендует на это (Адорно). В эссе мысль опережает форму, а если в нем есть некая игра формы, то это игра формы ради мысли, а не ради себя, именно от неопределенности и живости мысли, ее вечной незавершенности.

Чтение эссе – столь же авторское дело, как и его написание, и оно столь же самодостаточно: его цель и смысл в том, чтобы помыслить мысль, ценную саму по себе; ведь философское мышление реализует саму человеческую способность к мышлению как самодостаточному, не обслуживающему познание и повседневные практические нужды. Оно не есть средство – оно самоценно как высшая способность человека, как то, в чем человек является самим собой. И именно в эссе воплощается самодостаточное мышление, насколько оно вообще может быть выражено в письменном тексте. Чтение эссе не включено в то, что называется исследовательской работой, но оно может быть ее началом или венцом, или случайным ответвлением, когда отброшены общепринятые академические формы и нормы сообщества, и из сотрудника и профессора человек превращается в философа, то есть остается наедине с самим собой.

К философским эссе можно отнести эссе, написанные философами, и эссе, в которых автор поднимается до философии по собственному представлению, и те, которые читатель видит как философские: т.е. и те, которые автор называет эссе или может помыслить как эссе, и те, которые относятся к эссе читателем и традицией чтения. Среди них можно

увидеть и краткие рассуждения и объемные наукообразные трактаты (как, например, эссе Адама Смита и Джона Локка), и эссе в виде предисловия (Ортега-и-Гассет Х. «Эссе на эстетические темы в форме предисловия»), и в каких еще угодно формах.

В философии присутствует множество форм и стилей, которые можно назвать текстовыми жанрами, тем не менее, философия не мыслит, не делит себя по жанрам, например, не отделяет философа – автора трактата от философа – автора эссе. Для философии имеет значение идея, направление мысли, но не способ изложения, и это ставит вопрос о специфике философского эссе не как вопрос об особенностях текста (его стиле, объеме и т.п.), а как вопрос о своеобразии мысли в эссе. Но такой путь рассмотрения оказывается совпадающим с тем, как видели специфику эссе те мыслители, которые обозначали, называли так свои труды.

Особое внимание в докладе будет уделено трем из них - значимым фигурам истории английской мысли XVI-XVIII веков.

2. Считается, что в качестве особой жанровой формы эссе ввёл Мишель Монтень своим собранием текстов под названием *Les Essais*, ("Эссе" - от фр. *essai* – попытка) (1580), которое было переведено на русский как «Опыты». И в дальнейшем это слово в названии переводилось нередко именно так (например, «Опыты» Фр. Бэкона), хотя и слово эссе полноправно вошло в русский язык и тоже использовалось в переводе названий. Монтень – первое имя, обычно упоминающееся в качестве зачинателя этого жанра – во многом это объясняется не только хронологически, но и тем, что «Эссе» - его главное произведение, в отличие от эссе других философов.

Что понимал под ним Монтень? Он говорит, что содержание книги «Я сам», а для «ума нет и не может быть большего благодеяния, чем предоставить ему возможность в полной праздности вести беседу с самим собою, сосредоточиться и замкнуться в себе» - именно в этом случае он «задает себе во сто раз больше работы, чем прежде, когда он делал ее для других». Монтень иронизирует по поводу своего бессилия укрепить свой «предмет. Неясный, он покачивается от природного хмеля», и Б. Дидье сравнивает «Опыты» с «музыкальными вариациями», сочинявшимися на протяжении всей жизни на тему «желания автора познать самого себя». «В поисках нити, связующей мысль, "которая, кажется, блуждает, отдавшись на волю случая", А. Жид приходит к выводу, что это - сам автор. В Монтене он видит человека, который, как Иисус Христос, мог бы сказать: "Я есмь истина"». Собственно, философ по существу своему подобен в этом и Монтеню и Христу, будучи главным источником и поручителем истины, как и ее основным опровергателем. Многим известным авторам эссе Монтеня видятся как «неутомимый бесцельный поиск», именно как бесцельность и бесконечность мышления. Того

мышления, которое делает все собственным так, как об этом пишет Монтень: «Мы берем на хранение чужие мысли и знания, только и всего. Нужно, однако, сделать их собственными. Мы уподобляемся человеку, который, нуждаясь в огне, отправился за ним к соседу и, найдя у него прекрасный, яркий огонь, стал греться у чужого очага, забыв о своем намерении разжечь очаг у себя Дома».

3. Всего лишь через 17 лет собрание эссе появляется в Англии: его автором стал Фрэнсис Бэкон. Своим сочинениям, изданным в виде книг в 1597, 1612 и 1625, он впервые в английской литературе дал название *essays*. Он каждый раз добавлял новые эссе: последнее прижизненное издание включало 58 текстов. Бэкон в предисловиях к изданию своих «Опытов» говорит и о том, что есть такого особенного в эссе. В первом предисловии (1597) он пишет: «Единственно, почему я выпускаю их неохотно, это потому, что они будут подобны новым полупенсовым монетам: серебро в них полноценно, но монеты очень уж мелки. Но раз уж они не остались со своим создателем, а хотят гулять по свету ...». А в предисловии 1612 он говорит о кратких очерках, «примечательных скорее содержанием, нежели тщательностью отделки, которые я назвал «Опытами». Слово это новое, сама же вещь отнюдь не нова. Ибо послания Сенеки к Луцилию, если хорошенько в них разобраться, не что иное как «Опыты»». И еще он оговаривает, что при написании больше опирался на опыт, чем на книги: «я старался избегать в них пошлости и черпать больше из опыта, нежели из книг; так что они не являются ни повторением, ни пустыми вымыслами». Что означает, что философ опирается на опыт? Никакого иного опыта, кроме его личного человеческого опыта, у философа нет и его главный и единственный эксперимент – эксперимент над самим собой. Это о себе говорит он, себя мыслит, о чем бы он ни говорил и ни мыслил: о началах ли мира или о тут-бытии. Понимание эссе как опытов означает лишь то, что не из текстовой традиции исходит автор, «не из книг», но из своего индивидуального бытия, из себя, так как опыт может быть только своим (чужой опыт уже принимает форму знания и лишается того, что присуще опыту как таковому, то есть исключительной единственности того, кто является его носителем и породителем). И эссе есть не повтор (то есть не изложение чужих опытов) и не вымысел, ибо опирается на самую явно данную реальность мыслящего – его собственное бытие. Это собственное бытие есть то, что в наименьшей степени является вымыслом, ибо, если и оно есть вымысел, то уже ничто не может не быть таковым. В эссе опыт, попытка дружбы (как попытка Сократа и юношей дружить при невозможности дать определение дружбы – о чем говорит Г. Лукач в эссе «О сущности и форме эссе») или просто попытка быть сталкивается напрямую с неудачностью дать понятие. Эссе есть попытка быть собой (мыслить, чувствовать, говорить - поступать) и совершить

невозможное – попытаться еще и содержательно отнестись к этим попыткам. Движущей силой в этом выступает противоречие, выраженное Лукачем в двух суждениях: «изнутри невозможно никакое завершение» и «Теперь эссеист должен осмыслить и найти самого себя, должен строить Свое из Своего».

Для Бэкона эссе отличается не формой, не тщательностью отделки, а содержанием; последнее же отличается индивидуальностью авторского опыта (так эмпиризм английской мысли находит в эссе особое преломление).

Не случайно литературоведы ставят эссе в один ряд с автобиографией, биографией, дневником и мемуарами – теми жанрами, в которых находит выражение личный, индивидуальный опыт. То, что для философа не представляет проблемы, а именно – он мыслит со своего единственного места в мире и от своего имени – для литературоведов, исследователей жанра представляет сложность. Так, Ж. Террасса пишет, что «эссе - это продукт давления двух очевидно противоположных авторских намерений: описать реальность такой, какая она есть и навязать свой взгляд на нее». Но для философа «свой взгляд» и есть наиболее способный схватить реальность, которая есть *его* реальность. Собственно, его мышление и делает её реальностью, иначе она не имела бы никакого определения.

4. Дэвид Юм многие годы с 1740 до 1776, до смерти, работал над своими эссе, добавлял новые, некоторые исключал из нового издания. Перед смертью он шутил, что обратился к Харону с просьбой позволить ему закончить работу над текстами, но тот ответил, что в таком случае он никогда не сможет его забрать. Собрания эссе Юма публиковались множество раз уже при его жизни. В изданное сразу после его смерти собрание эссе вошло в том числе 19 из первого собрания, переизданных уже 11 раз к тому моменту. В ходе жизни Юм добавлял и исключал эссе из собрания, а два завещал опубликовать после своей смерти. (Недавнее издание содержит 49 эссе).

В 1742 году Дэвид Юм публикует в собрании эссе (*Essays, Moral and Political*, vol. 2. Edinburgh: A. Kincaid, 1742) одно под названием «On essay writing», которое не вошло в последующие сборники. Он начинает его с различения мира ученых (*learned*) и мира общающихся, беседующих (*conversible*). Первое занятие требует праздности, уединения и напряженной работы ума, тогда как второе – легкости общения. (Юм в своих эссе не уходит от философии, но стремится объединить человека текста и человека мира - так пишет о нем издающий его Юджин Миллер). Во втором случае ум обращен на повседневные дела, на существование человека среди людей и нуждается в общении и беседе: ведь есть вещи, которые открываются ему только в них. Это влияет и на способ изложения мысли. Себя как автора эссе Юм видит (не без юмора) в качестве посла от

мира ученых в мире беседующих, пытающегося дать каждому из них то, что он может позаимствовать у другого: темы для бесед беседующих и опыт жизни и общения для ученых. Но в авторе эссе, кроме того, он видит ученого-философа, обретающего свободу от ограничений своего профессионального занятия в свободной и изящной беседе. А.Ф. Лосев обвинял Сократа в том, что он унизил истину требованием доказательства, автор эссе, по Юму, освобожден от этого греха.

5. Третья важная фигура для нашей темы – Самюэль Джонсон, современник Юма (1709-1784), литературный критик, публицист, для нас – в основном, автор ряда изречений, нередко измененных извлечением из контекста и долгой историей употребления. Джонсон – автор множества эссе, публиковавшихся с определенной периодичностью (как современные колонки) в ряде журналов. Он – автор толкового словаря английского языка и вообще символ Англии второй половины XVIII века. Его эссе под номером 184 (из журнала *The Idler*) называется “The subject of essays often suggested by chance. Chance equally prevalent in other affairs”. Его смысловым предшественником можно считать эссе 102 (1760) с значащим названием «Authors inattentive to themselves»: в нем Джонсон, как и Юм, говорит о learned, но очевидно иным образом – ученые должны научиться осознавать свою собственную силу и ценность, быть справедливым к себе, а не потакать тем, кто не способен воздать должное их труду. И, возможно, именно в эссе ученый получает такую возможность. В эссе, посвященном случайности его предмета, его темы, Джонсон пишет, что автор эссе не насилует свой ум длинной чередой последствий, не портит глаза чтением древних томов и не обременяет память собиранием подготовительного знания. Достаточно мимолетного взгляда на любимого автора или на многообразие жизни, обогащаемых богатством сознания, и тепла воображения, как расцветает цветок или даже созревает плод. Каждый новый день приносит новые темы, и нет никакого принципа для выбора между ними. Выбор темы эссе подобен поступку, когда «необходимо поступить, но невозможно знать последствия поступка или обсуждать все основания, предлагающие себя любопытству и озабоченности (вниманию)». В этой ситуации всеобщей неопределенности, неразличимости доброго и злого, безопасного и разрушительного, остается полагаться лишь на божественность мироустройства, что и означает в случае выбора темы эссе – полагаться на случай. Получается, что именно в этом и заключается сила и ценность ученого, пишущего эссе: он не ставит себя в зависимость от тщательного познавательного отношения к миру (как миру эмпирическому, так и миру знания), но ограничивается мимолетностью, которой совершенно достаточно для созревания плодов его мысли. Сама мимолетность ведь существует лишь в отношении с внешним, с миром текстов или жизненных впечатлений,

но ее нет в самом авторе эссе, лишь обретающем в ней свободу и самодостаточность мысли.

Небольшое дополнение

К жанру эссе волею посмертной судьбы прибращается еще один английский мыслитель – Адам Смит. Он задумал написать историю наук и искусств, но из-за необъятности замысла отказался от него. Но Смит все же написал несколько текстов об истории астрономии, древней физики, логики и метафизики, а также об искусстве и пяти основных чувствах. Хотя он написал первое эссе об астрономии, как предполагают, в 1751 году, опубликованы эти тексты были уже после его смерти. Сам автор, по-видимому, не называл их эссе, такое общее название – «Эссе на философские темы» - дали им его друзья, осуществившие их публикацию. Смит был знаком с Джонсоном, и, конечно, был близким человеком для Юма.

Есть и еще один автор, который действительно называл свои работы, причем основные работы, эссе: это Джон Локк. Его *An Essay concerning Human Understanding* была задумана уже в 1671, а издана в 1690. И свои другие работы он также называет эссе. Почему они получают такое название можно предположить, обратившись к предисловию к главному локковскому эссе и учитывая, что по форме его труд является большим трактатом и совершенно внешне отличен от эссе Монтеня и Бэкона. Локк дает несколько подсказок: сам этот труд он называет «развлечением в мои свободные и трудные часы», связывает его начало с изучением своих собственных способностей, как-бы испытанием разума, дабы увидеть, какими предметами он способен заниматься «прежде чем предаться такого рода исследованиям, необходимо было изучить свои собственные способности и посмотреть, какими предметами наш разум способен заниматься, а какими нет. Рассуждение началось случайно с нескольких «торопливых, необработанных мыслей о предмете, которого я раньше никогда не исследовал», «оно писалось несвязными отрывками, снова возобновлялось после долгих промежутков забвения, когда позволяли мое расположение духа или обстоятельства. Большой объем книги Локк объясняет, в том числе, и тем, что «написание ее урывками и с большими промежутками могло вызвать некоторые повторения. Но, сказать по правде, я теперь слишком ленив или слишком занят, чтобы сделать ее короче». Локк описывает свою работу над текстом действительно, как некий опыт, некую попытку мышления, хотя и ожидает, чтобы кто-то выступил с критикой его «Опыта», заботясь о сохранении всех удачных мыслей, «оказав ему честь не считать его только опытом». Таким отзывчивым человеком оказался Г.В. Лейбниц: в ответ Локку пишет свое «новые» эссе о человеческом разумении, причем в виде диалогов, о которых в предисловии говорит так: «Он пишет более популярно, я же вынужден

выражаться более научно и абстрактно, что не является для меня преимуществом, особенно ввиду того, что я пишу на живом языке». В любом случае, и его труд называется эссе.

Литература

1. *Бэкон Ф.* Опыты, или наставления нравственные и политические. 1597-1612 // Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: «Мысль» (Философское наследие), 1978. -575 с. – С.348-481.
2. *Жолковский А.* Эссе. <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/12/zhz10.html>
3. *Лейбниц Г.В.* Новые опыты о человеческом разумении. Пер. с нем.
4. *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении // Книги 1, 2, 3: Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. Т. 1 / Под ред. И. С. Нарского. — М.: Мысль, 1985. — 623 с. Книга 4: Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. Т. 2 / Под ред. И. С. Нарского. — М.: Мысль, 1985. — 560 с.
5. *Лукач Г.* О сущности и форме эссе // *Лукач Г.* Душа и формы. Эссе. Пер. с нем. / Перевод и предисл. С.Н. Земляного, послесл. А.С. Стыкалина. М.: «Логос-Альтера» "Ессе homo", 2006. - 264 с. С. 45-64.
5. *Лямзина Т.Ю.* Жанр эссе. К проблеме формирования теории. http://psujourn.narod.ru/lib/liamzina_essay.htm
6. *Монтень М.* Опыты / Пер. с фр. А.С. Бобовича и др. М.: Голос, 1992.
7. *Adorno Th.W.* "The Essay as Form", in: *The Adorno Reader*, Blackwell Publishers, 2000. <http://www.heathwoodpress.com/wp-content/uploads/2014/06/Adorno-The-Essay-As-Form.pdf>
8. *Hume D.* Essays, Moral, Political, and Literary <http://www.econlib.org/library/LFBooks/Hume/hmMPL.html>
9. *Johnson S.* The subject of essays often suggested by chance. Chance equally prevalent in other affairs. <http://www.johnsonessays.com/the-rambler/no-184-the-subject-of-essays-often-suggested-by-chance-chance-equally-prevalent-in-other-affairs/>